

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

Проза Елены Катишонок

Аннотация: В статье анализируются художественные особенности прозаических произведений Е.А. Катишонок, в том числе жанровая, повествовательная структура, принципы включения слова героя в авторский монолог. Рассматривается образ города в контексте предложенной Ю.М. Лотманом типологической схемы: город концентрического и город эксцентрического типа. Внимание уделено темпоральным характеристикам повествования, категории памяти. Проведенные исследования позволяют охарактеризовать своеобразие исторического нарратива в прозе писательницы.

Ключевые слова: проза Елены Катишонок, жанр, повествовательная структура, субъективизация повествования, образ города, литературоцентричность, исторический нарратив, «литература памяти»

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

Elena Katishonok's Prose

Abstract: The article analyzes the artistic features of the E. A. Katishonok's prose, including genre, narrative structure, and the principles of the hero's word in the author's monologue. The image of the city is regarded in the context of the proposed by Yu. Lotman the typological scheme: a city of concentric and a city of eccentric type. Attention focuses on the temporal characteristics of the narrative, the category of memory. The conducted research allows to characterized the originality of the historical narrative in the prost of the writer.

Key words: E. A. Katishonok's prose, genre, narrative structure, subjectivization of the narrative, historical narrative, literary centricity, "literary memory"

Елена Катишонок первое произведение опубликовала в 2005 г. («Блокнот», стихотворный сборник), последние на сегодняшний день в 2021 – два романа: «Джек, который построил дом» и «Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной», хотя о жанре последнего имеет смысл говорить особо.

Творческий путь в 17 лет и в шесть романов, плюс к этому сборник прозы и три поэтических сборника. Нельзя сказать, что она не замечена читателями¹

¹ О читательском интересе к произведениям Катишонок свидетельствуют постоянные переиздания книг, достаточно отметить, что в 2021 г. вышло в свет 12-е издание первого романа «Жили-были старик со старухой» (2006) и в 2022 – 8-е издание продолжения саги о семье Ивановых «Против часовой стрелки».

или обойдена вниманием критики: премия Ясная Поляна (2011), включение ее произведений в списки и «Русского Букера», и «Большой книги». О прозе Катишонок с восторгом отзывались Майя Кучерская и Андрей Немзер – критики, создающие литературные репутации. Но при всем этом Елена Катишонок остается как бы на обочине литературного процесса: мы найдем множество отзывов читателей, но практически нет серьезных статей, разборов текстов. В качестве исключения можно назвать работы М.В. Кульгавчук¹, которая и указывает на одну из возможных причин такого отношения к творчеству писательницы: «Елена Катишонок как будто нарочно делает все, чтобы не удовлетворить не только читателей, но и критиков. Пишет об одном и том же – трудное детство, война, непростая история “советской Латвии”... Из книги в книгу – семья Ивановых: фамилия какая-то... демонстративная...» Пишет о «настолько понятном и простом», что получается сплошное «повторение пройденного»². И, видимо, эта «неслыханная простота» авторской оценки мира и его ценностей создает иллюзию того, что здесь нет каких-то художественных глубин, достойных серьезного литературоведческого разговора. Не будем утверждать что-либо о глубинах, но то, что проза Елены Катишонок – явление в современном литературном процессе, заслуживающее внимания с точки зрения анализа художественных особенностей, постараемся показать в данной статье.

Факты биографии, которые сообщает о себе писательница в интервью, можно перечислить в нескольких строчках: имеет филологическое образование; до 1991 г. жила в Риге, эмигрировала в США, поселилась в Бостоне. Причины эмиграции очевидны, если вспомнить что происходило в прибалтийских странах (тогда еще республиках СССР): «Причиной отъезда стало национальное возрождение. Звучит красиво, правда? Однако на деле это означает приоритет “титульной нации” и, соответственно, второстепенность всех остальных. К сожалению, мы знаем, к чему это приводит...»³. В эмиграции зарабатывала преподаванием и переводами, а к написанию прозы обратилась, когда за спиной уже были почти 15 лет эмиграции. Майя Кучерская, интервьюируя писательницу, заметила, что Катишонок пришла в русскую литературу как бы ниоткуда, и задала вопрос о ее культурной, литературной, условно говоря, родословной – и получила такой ответ: «Откуда? Из русского языка. Родилась в Риге, где изучала русский, живу в Новой Англии и учу русскому; пишу по-русски»⁴. К этому утверждению с полным основанием можно добавить – и из русской литературы.

Если исходить из биографических фактов, то Катишонок можно было бы отнести к представителям «русскоязычной литературы диаспоры (рассеяния)»⁵, поскольку все произведения написаны в эмиграции, однако признаки русскоязычной литературы, на которые указывает Н.Л. Лейдерман, утверждавший, что «“русскоязычный” художественный текст – это всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальных культур»⁶, в произведениях писательницы представлены можно сказать завуалированно. «Пограничность»

¹ *Кульгавчук М.В.* Узнаваемость правды. О романе Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Вопросы литературы. 2012. № 3; *Кульгавчук М.В.* Повторение пройденного. Елена Катишонок // Вопросы литературы. 2016. № 2.

² *Кульгавчук М.В.* Повторение пройденного. Елена Катишонок. С. 34, 40.

³ Интервью с Еленой Катишонок: www.litres.ru/intervju/elena-katishonok/

⁴ Интервью Майи Кучерской с Еленой Катишонок. 08.12.2010 // Издательство «Время»: books.vremya.ru/main/1657-intervyu-mayi-kucherskoj-s-elenoy-katishonok.html#Uw84fc6AXaE

⁵ Подробно черты двух типов русскоязычной прозы при сопоставлении русскоязычных литератур Азербайджана и Германии рассмотрены в ст.: *Сорокина В.В.* К вопросу о понятии «русскоязычной» литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 3. С. 83–95.

⁶ *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3(41). С. 20.

и «диалогичность» здесь проявляются в подчеркнутой литературности текста. Книги Катишонок – исторические не только потому, что обращены к событиям прошлого, но и потому, что они погружают нас в мир русской классической литературы XIX и XX вв. Это проявляется и в неторопливом стиле повествования, когда внимание уделяется множеству, казалось бы, незначимых деталей, и в языке повествователя, насыщенности текста аллюзиями и реминисценциями. При этом интертекстуальность в текстах Катишонок принципиально, на наш взгляд, отличается от постмодернистской, когда чужое слово становится своим и весь мир воспринимается как единый текст. Интертекстуальность у Катишонок служит для «узаконивания» места ее героев среди тех, чьи имена стали знаковыми для русской и мировой литературы. Рядом с семьями капитана Миронова и Гриневых, Турбиных и Мелеховых получает «прописку» семья Ивановых и их многочисленное окружение, а к ним присоединяются и лица, не имеющие, казалось бы, к кругу Ивановых никакого отношения. Но всех героев писательницы объединяет Город – единственный (исключение составляет роман «Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной») очевидно автобиографический герой прозы Катишонок.

«...По выходным, как прежде, ездили гулять: то в Лесной Парк, который только начинал застраиваться фешенебельными особняками, куда съезжались многие, чтобы погулять и устроить пикник на траве; то, как в мирное время, в центр города. Главные улицы, казалось, поспешно вышли замуж за новую власть и стали зваться по-другому: Александровская стала улицей Свободы, бульвар наследника обрел имя самого талантливого поэта республики. В Старом Городе таких изменений не было, зато появилось много новых вывесок. Проходя пустой пьедестал, вспоминали о памятнике Великому, который убрали в начале войны»¹.

В книгах Катишонок показано, как менялась Рига на протяжении XX в., но при этом всегда сохраняла свое лицо. В том, что имя Города не названо, можно увидеть средство обобщения: у каждого свой Город, – и вместе с тем отсылку к М.А. Булгакову. Вспомним булгаковский Город: «Как многоярусные соты, дымился и шумел и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром. Целыми днями винтами шел из бесчисленных труб дым к небу. Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома. Днем их окна были черны, а ночью горели рядами в темно-синей выси. Цепочками, сколько хватало глаз, как драгоценные камни, сияли электрические шары, высоко подвешенные на закорючках серых длинных столбов. Днем с приятным ровным гудением бегали трамваи с желтыми соломенными пухлыми сиденьями, по образцу заграничных. Со ската на скат, покрикивая, ехали извозчики, и темные воротники – мех серебристый и черный – делали женские лица загадочными и красивыми»². У обоих писателей метафора «лицо города» реализуется в тексте непосредственно, поскольку город предстает живым существом, со своим характером и судьбой. Только у Булгакова мы видим город глазами повествователя, как бы со стороны, городской пейзаж дается общим планом, а у Катишонок ракурс видения задан взглядом прогуливающейся семьи Ивановых, и даже замечание рассказчика об улицах, которые, «казалось, поспешно вышли замуж за новую власть и стали зваться по-другому», здесь не

¹ *Катишонок Е.* Жили-были старик со старухой. М.: Время, 2011. (Электронная версия.)

² *Булгаков М.А.* Белая гвардия // Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск, 1988. С. 55.

просто удачное сравнение. Такая форма оценки перемен, произошедших в городе, перекликается с заботами семьи Ивановых в этот момент, где старшая дочка Ирина уже на выданье, – после описания города следует рассказ о поклонниках Ирины. Город и человек живут одной жизнью, и городское пространство организовано видением героев. Эта соразмерность Города человеку создает впечатление комфорта и защищенности. Город предстает как многонаселенный дом; такое восприятие Города определяет возможность метонимического переноса: историю Города показать через историю дома, что реализовано в романе «Когда уходит человек» (2019): «Появившись на свет, дом нетерпеливо выпутался из строительных лесов, в которые был укутан заботливо, как дитя в пеленки, и обнаружил себя стоящим на тихой Палисадной улице, которая отходила нешироким рукавом от Гоголевской, ведущей к вокзалу, где проходила граница Московского форштадта. Кончалась Палисадная перекрестком с другой улицей, название которой дому еще предстояло выучить, но высокий костел на той улице и кладбище, которое по жизнерадостности дом принял поначалу за парк, запомнились сразу. Родился дом в сравнительно благополучном 1927 году... В довершение удачливости выпало носить ему номер “21”... Сама улица была скромным ручейком старинного города, который на карте выглядит как жемчужина на дне бокала, где вместо вина – студеная и прозрачная морская вода... Город располагался на западной окраине России – такой западной, что звучала здесь, на фоне протяжной и задумчивой местной речи, привычная русская, а вперемешку с нею и немецкая, и польская, и еврейская, и белорусская, и... Звучали и перекликались слова разных языков, отчего Город иногда напоминал вавилонскую башню, строители которой не утратили еще способности понимать друг друга... Внешне дом походил на корректного молодого дельца, каких в Городе было немало. Темно-серое ратиновое пальто – и гранитная облицовка такого же цвета; новая шляпа-котелок – и блестящая свежей жестью крыша, две простые и прочные, как английские ботинки, ступеньки крыльца и ясный, приветливый взгляд чистых окон. Одним словом, конструктивизм: ничего лишнего»¹. В приведенной цитате отчетливо ощутима интонация повествователя – доброжелательно-ироничная: так говорят о ком-то близком, пряча за иронией свою привязанность. Дом, улица, Город, западная окраина России – Катишонок как будто представляет нам дом, условно говоря, на Яндекс-карте, постепенно уменьшая масштаб изображения и вписывая таким образом Дом в большое географическое и историческое пространство. В истории рождения дома звучит предвестие финала, который пока далек, потому что строители вавилонской башни «не утратили еще способности понимать друг друга», однако «еще» говорит о его неизбежности?

Ю.М. Лотман в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города», исходя из оценки отношения города к окружающей его Земле, говорит о городах концентрического и эксцентрического типа: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”. Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза “земля / небо”, а оппозиция “естественное / искусственное”. Это город, созданный вопреки Приро-

¹ Катишонок Е.А. Когда уходит человек: роман. М., 2019. С. 10–12.

де и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря»¹. Город Катишонок относится, безусловно, ко второму типу: расположен на краю культурного пространства («на западной окраине России»), на берегу моря, с ним связаны – менее заметные в первых произведениях и отчетливо звучащие в более поздних – эсхатологические мотивы. Но эсхатология в романах писательницы отличается от той, о которой говорит Ю.М. Лотман, и это видно из второго эпиграфа, предпосланного роману «Когда уходит человек»: «Встань и иди в дом твой, и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя. 3-я Книга Царств, 14». Если обратимся к Третьей Книге Царств, вспомним, что речь в этом отрывке идет о гибели дома Иеровоама, отступившего от заветов Иеговы. Причина трагедии не внешние силы, а сам человек. В образе Города у Катишонок актуализированы не оппозиции *естественное / искусственное*, *Природа / человек*, *стихийное / разумное*, а оппозиции *естественное / неестественное*, *истинное / ложное* с точки зрения человеческого природы. Именно таким выбором определяются судьбы и героев, и Города. Мартин Баумейстер – молодой хозяин дома в 1927 – возвращается в город после многолетней эмиграции в 1991 г. и, наблюдая перемены, определяемые новым статусом Латвии, размышляет о том, что «возрождение национальной независимости пока что, на его скептический швейцарский взгляд, напоминало бессмысленное кипение, как похлебка из камней, которую мать поставила на огонь, уверяя голодных детей, что варится мясо... Когда эти голодные дети перестанут – или устанут – петь хором, они поймут, что камни никогда не превратятся в мясо»². Ложные идеи, неестественная для природы человека ненависть к своему ближнему, жадность и глупость – причины человеческих драм и трагедий, что особенно отчетливо видно в периоды, когда в Город приходит и утверждается там новая власть, советская, немецкая, латвийская. Перемены, происходящие в Городе, показаны опосредованно: звучат песни, меняются флаги, праздники, что-то утрачивается из прежнего уклада жизни, как-то приспособливаются жильцы дома к новым обстоятельствам. Жизнь меняется, но продолжается до того момента, пока в подвижном, многоголосом пространстве Города-дома не появляются «пустоты»: человек покидает Город – умирая, погибая, уезжая. «...Один выстрел убил господина антиквара, но не мог погубить самую высокую башню Европы, нет! В то же время пуля, поразившая старого коллекционера, попала в тот день и в башню – а значит, ранила Город. Потом, с каждым ушедшим человеком, появлялась крохотная трещина в башне, пока вся она не вспыхнула смертельным огнем, следом за нею – Город... Сколько лет пришлось ему залечивать раны и лечить ожоги? Так, может быть, теперь, когда башня воскресает из руин, – может быть, теперь они начнут возвращаться? Они вернутся?..» – об это мечтает старый дом³. В финале романа мы видим глазами

¹ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18: Семиотика города и городской культуры. СПб.; Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. С. 31.

² Катишонок Е.А. Когда уходит человек: роман. С. 492.

³ Там же. С. 476. Речь идет о башне церкви Святого Петра, построенной в 1209 г. и являющейся «визитной карточкой» Риги. В 1941, во время обстрела немецкой артиллерией, был уничтожен церковный шпиль, значительно повреждено здание: разрушены стены, от огня погибли все интерьеры. Восстановление храма началось только в 1966 г. и завершилась в 1983.

господина Мартина новое, не очень симпатичное лицо Города: «Обилие разномастных киосков и мелких лавочек не удивляло, их и прежде было много; удивляли скудость и однообразие товаров. Поменялись вывески, как и должны были поменяться за пятьдесят один год. Однако сильнее всего поразили человеческие лица – замкнутые, настороженные, зачастую откровенно враждебные»¹. Последние строки романа – ответ на вопрос, заданный домом: один из героев плачет, потому что «никто не придет назад». И все-таки это роман не о конце Города, не о разрушении Вавилона, или, по крайней мере, не только об этом. Он о памяти, о познании и его бесконечности, на эту мысль настраивает первый эпиграф к роману – стихотворение О. Мандельштама «В игольчатых чумных бокалах...».

Проза Катишонок литературоцентрична и антропоцентрична: в центре мироздания человек, его присутствием, взглядом определяется то, каким предстает внешний мир, а литература – форма сохранения памяти о нем и его мире. Подчеркнутая литературность проявляется в том, что практически каждому произведению предпослан эпиграф или даже два, в обыгрывании разных устойчивых стилей и известных сюжетов: сказочных («Жили-были старик со старухой»), эпического стиля «Илиады» («Против часовой стрелки»), детской литературы («Джек, который построил дом» – это история Джека, о котором ничего не сказано в детской английской сказке-стихотворении, знакомой русскоязычному читателю в переводе С.Я. Маршака). Вписывая в литературную традицию истории своих героев, Катишонок вместе с тем как бы поправляет, корректирует всем знакомые тексты: жили-были старик со старухой у самого синего моря, но море было скорее серое, старик любил ловить рыбу, но обходился без невода, роль корыта выполняла добротная оцинкованная ванна («Жили-были старик со старухой»). Такого рода соотнесение двух планов изображения (литература / реальность) адресует читателя к пушкинской традиции «Евгения Онегина», где герой предстает и приятелем автора, и вымышленным лицом. Не случайно, на наш взгляд, была выбрана в качестве литературной «рамки» повествования для первого произведения писательницы «Сказка о рыбаке и рыбке».

Как мы говорили выше, литературность проявляется в том, что в текстах произведений встречаются явные и скрытые цитаты и аллюзии, а также в форме речи повествователя, метафорической, с обилием эпитетов. Но наряду с этим повествовательный монолог вбирает в себя слово героя. Автор использует разные приемы субъективизации повествования: косвенная и несобственно-прямая речь, цитирование, позволяющее передать точку зрения героя, восприятие им того или иного явления в авторском монологе. Благодаря этому персонаж становится не только объектом изображения, но и субъектом: его история рассказывается «на два», а в некоторых случаях и больше голосов: «Старик уже видел его: мальца, разумеется. Славный такой улыбчивый парнишечка стоял перед глазами в ситцевой рубашонке, шkodливый, чумазый. Можно будет и на рыбалку его брать, покуляется в песке, пока прадед удочку закинет. Какая рыбалка, Мать Честная, сам себя одергивал старик, не переставая улыбаться; дитя дитем, ему только сиську у матки сосать, а рыбалка – это ж когда еще...» («Жили-были старик со старухой»). «А конка!.. Матрена делала особенно строгий вид, когда дети усаживались, потом чинно занимала место рядом с мужем. Конка уносила их вдоль реки на долгую прогулку в Царский лес, где мороженое было совсем уже особенное – не иначе как царское; а старик с наслаждением выпивал холодного пива. Они не сразу

¹ Там же. С. 490.

заметили – спасибо, дети обратили внимание, – как спокойную конку вытеснил электрический трамвай. Поначалу старуха не очень ему доверяла: рельсы рельсами, а ну как свалится?! Лошадей нет, одной хлипкой жердинкой держится, и то Бог знает за что...» («Жили-были старик со старухой»). «Новый год пришел, как не вовремя и некстати приходит случайный гость. Через неделю наступило Рождество, но бабушка об этом не ведала, а значит, и Рождество не считалось, потому что Рождество без бабушки – все равно что незажженная елка в Новый год» («Против часовой стрелки»). В приведенных примерах мы видим, как по-разному вводится в повествовательный монолог слово героя: в первом случае вкраплением отдельных слов с переходом к несобственно-прямой речи; во втором примере вначале чужое слово не атрибутируется: это могут быть слова старухи, детей, кого-то из участников описанного события, – но оно создает эффект многоголосия текста – в конце отрывка мы слышим голос старухи. А в последнем примере присутствие чужого слова обозначено интонационно, как будто слышишь детский голос Лельки, уже ставшей взрослой внучки, но рядом с умирающей бабушкой вновь чувствующей себя беззащитным ребенком.

М. Кульгавчук обратила внимание на еще одну функцию слова персонажа в текстах писательницы: «Умение слышать голоса героев особенно заметно в “массовых сценах”. Так, голоса сидящих за праздничным пасхальным столом воспринимаются, по замечанию самой Катишонок, как “антракт в театре”. Отдельные реплики из по-модернистски не связанных между собой диалогов погружают нас в атмосферу “роевой”, неустойчивой жизни»¹.

Многоголосие текстов, наряду с особым вниманием к предметно-бытовой детали, создает у читателя ощущение соприсутствия в жизни героев и личной авторской сопричастности ей, что, естественно, вызывает вопросы о степени автобиографичности произведений. Отвечая на подобный вопрос в одном из интервью, писательница признавалась: «Вопрос о личных параллелях я очень люблю, да без него и не обходится. Когда автора отождествляют с героем или героиней, это означает, что книга состоялась: герои ожили. Честно говоря, я с ними по-настоящему сроднилась, пока писала: мне за них было больно, когда они болели; стыдно, когда они поступали скверно; я негодовала, когда они обижали друг друга... Умирала вместе с ними»². Писательница, как видим, объясняет отождествление автора с персонажем читателями ее книг тем чувством «родства» с героями, которое она переживала, создавая их жизни. Развивая мысль Катишонок, можно сказать, что не факты автобиографии находят отражение в ее книгах, по крайней мере в большинстве из них, а, наоборот, персонажи становятся частью биографии автора в настоящее время. Подобного рода утверждение на первый взгляд представляется общим местом, поскольку может быть соотнесено с творчеством многих писателей. Но в каждом случае важно, как такого рода отношение автора к изображаемому персонажу реализуется в художественном тексте, как коррелируются авторские декларации и творческая практика. В отношении Катишонок интересно и важно для понимания ее роли и места в современном литературном процессе установить, как авторское восприятие своего героя определяет особенности исторического нарратива, принципы взаимодействия разных временных категорий в нем – прошлого и настоящего времени.

¹ *Кульгавчук М.В.* Узнаваемость правды. О романе Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Вопросы литературы. 2012. №3: books.vremya.ru/main/2256-marina-kulgavchuk-o-romane-eleny-katishonok-zhili-byli-starik-so-staruhoy.html

² Интервью с Еленой Катишонок: www.litres.ru/intervju/elena-katishonok/

Конец XX – первые десятилетия XXI в. – время, когда наблюдается повышенный интерес к прошлому, обращение к истории (личной, национальной, общечеловеческой) как поиск ответов на вопросы дня сегодняшнего. Разные авторы, возвращаясь к одним и тем же историческим фактам, предлагают свои трактовки событий, зачатую оспаривающие друг друга. Поэтому такой важной становится в художественной литературе категория достоверности и разные приемы документализации текста, служащие для создания или усиления эффекта достоверности, получают широкое распространение. Автобиографические жанры, биографии исторических лиц, так называемая эпически-хоровая проза, или книги-документы, в основе которых свидетельства множества людей, художественные реконструкции исторических событий и частных историй на основании документов становятся основными формами исторического нарратива в современной литературе. Не случайно и Елене Катишонок задавались вопросы об автобиографизме ее книг, поскольку они воспринимались в русле этих тенденций современного литературного процесса, и авторское предуведомление, что «все без исключения герои – плод писательского воображения, поэтому возможные совпадения имен с реальными случайны и непреднамеренны», данное в трех книгах («Жили-были старик со старухой», «Когда уходит человек», «Свет в окне»), воспринималось как литературная игра. Элемент игры, конечно, присутствует, поскольку предупреждение заставляет подозревать неслучайность и преднамеренность такого рода совпадений в текстах. Но в процессе чтения мы обнаруживаем, что, если и есть такого рода совпадения, для широкого круга читателей они малозначимы. И предположения об автобиографичности образа Лельки¹, например, остаются на уровне гипотезы. Катишонок возвращает нас к формам исторического нарратива, в котором степень достоверности не определяется наличием или отсутствием подтверждающего «документа» – в узком и широком значении этого слова. Для писательницы, как нам кажется, прежде всего важна достоверность другого рода – в передаче и осмыслении человеческой жизни в предлагаемых каждой исторической эпохой обстоятельствах. Поэтому на вопрос, почему для нее важно рассказать о таких страшных, неприятных вещах, как концлагерь, высылка поволжских немцев, смертельный голод в русских деревнях, писательница отвечает: «Я не рассказываю, я пытаюсь напомнить. Все это было рассказано задолго до меня – лучше и подробнее, со статистикой и свидетельствами очевидцев. А я пишу о том, как одна обыкновенная семья проходит эти испытания, проживает их на собственной шкуре и как Большая история пытается искорежить человека – семью – судьбу, раздавить, сделать из человека нелюдя, однако побеждает именно человеческое начало – вопреки всему»². Произведения Катишонок – это не «вопрошание» истории и не отмена ее, не реконструкция с целью представить новую трактовку известных фактов, – то, что мы видим в большинстве современных текстов, – это именно напоминание о безусловности неких ценностей и истин человеческой жизни. Поэтому они и о настоящем времени, поэтому в отношении героев ее книг сказочно-мифологическая формула «жили-были» может быть дополнена глаголом «есть».

¹ *Кульгавчук М.В.* Повторение пройденного. Елена Катишонок // Вопросы литературы. 2016. №2. С. 34, 40. См. также ее статью «Узнаваемость правды. О романе Елены Катишонок “Жили-были старик со старухой”».

² Интервью Майи Кучерской с Еленой Катишонок. 08.12.2010: books.vremya.ru/main/1657-intervyu-mayi-kucherskoj-s-elenoj-katishonok.html#.Uw84fc6AXaE

Вышесказанное не означает, что исторические события для Катишонок только фон или набор обстоятельств, определяющих драматические и трагические перипетии жизни героев. Писательница признается: «Я хочу остановить время – очень свежая идея, знаю. Остановить, чтобы успеть его увидеть. Многие ценят в моих романах детали, которые помнят. Детали из 1950–1960-х, о которых наши дети понятия не имеют... Это все-таки связь поколений»¹. Как видим, «мысль семейная» не только лежит в основе саги о семье Ивановых, но и определяет ракурс авторского взгляда на историческое прошлое в целом: это рассказ, адресованный не только настоящему, но и будущему. Такая направленность авторского взгляда особенно ощутима в одной из последних на сегодняшний день книг писательницы – «Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной». Обозначение жанра произведения как роман с точки зрения литературоведческой не совсем точно: мы не найдем здесь романного героя и романного хронотопа, однако если вспомнить, что романная проблематика – это всегда история становления личности, а в книге рассказывается о взрослении двух девочек – от их рождения (и даже несколько раньше) до первых школьных лет, то можно сказать, что автор, давая такое жанровое определение (или соглашаясь на то, что было предложено редакторами), иронически его переосмысляет, ведь психологи говорят о том, что именно в первые годы формируется личность человека, значит, это и есть самое «романное» время его жизни. «Детский альбом», в отличие от других произведений Катишонок, во многом автобиографичен: сама писательница – мать двоих дочерей, в книге появляется тема эмиграции. Однако эпиграф в предисловии редактора-автора, взятый из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, подсказывает нам, что Ирина Лакшина не есть alter ego автора. Автобиографизм, повествование от первого лица, лирическая тональность, дневниковая форма, приближенность изображаемой эпохи (конец 1970-х – 1980-е гг.) к настоящему определяют новые (если сравнивать с другими произведениями автора) черты исторического нарратива. Это прошлое не завершенное, не отделенное от настоящего. Поэтому обращение к нему и для автора, и для читателя не столько «напоминание», сколько «припоминание», если не своего собственного опыта, то родителей, дедушек и бабушек, художественная форма исторического нарратива, реализующая авторскую мысль о связи времен и поколений. О том, что сегодня есть необходимость заново утверждать эти, казалось бы, простые истины, свидетельствует судьба тетрадок-дневников старородящей матери Ирины Лакшиной, рассказанная в предисловии от редактора: они были найдены автором-редактором на дворовой распродаже (yard sale) в Америке, и несмотря на то что «поисковые системы уже второй год обрабатывают запрос, однако пока не могут найти Ирину Лакшину – ту самую «пожилую леди», которая некогда снимала жилье в маленьком американском городе»². Но есть надежда, что после публикации «сама Ирина Лакшина или ее дочери увидят этот дневник на прилавке книжного магазина и позвонят в издательство»³. Автор-редактор, говоря высоким языком, возвращая нам историческую справедливость, возвращая нам нашу собственность – наше прошлое, исполняя миссию художника, заложника вечности у «времени в плену».

ЛИТЕРАТУРА

¹ Там же.

² Катишонок Е.А. Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной: Роман. М.: Время, 2021. С. 7.

³ Там же. С.8.

- Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск, 1988. 668, [2] с.
- Интервью с Еленой Катишонок: www.litres.ru/intervju/elena-katishonok/ (дата доступа: 25.09.2020).
- Интервью Майи Кучерской с Еленой Катишонок. 08.12.2010: books.vremya.ru/main/1657-intervyu-mayi-kucherskoj-s-elenoy-katishonok.html#.Uw84fc6AXaE (дата доступа: 25.09.2020).
- Катишонок Е.А. Детский альбом. Дневник старородящей матери Ирины Лакшиной: Роман. М.: Время, 2021. 288 с.
- Катишонок Е. Жили-были старик со старухой. М.: Время, 2011. (Электронная версия.)
- Катишонок Е.А. Когда уходит человек: роман. [5-е изд., стер.] М.: Время, 2019. 493, [2] с.
- Кульгавчук М.В. Узнаваемость правды. О романе Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 120–130
- Кульгавчук М.В. Повторение пройденного. Елена Катишонок // Вопросы литературы. 2016. №2. С. 34–43.
- Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. 2015. №3(41). С. 19–24.
- Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18: Семиотика города и городской культуры. СПб.; Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. С. 30–45.
- Сорокина В.В. К вопросу о понятии «русскоязычной» литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 3. С. 83–95.

REFERENCES

- Bulgakov M.A. (1988) *White Guard; The Master and Margarita: Novels*. Minsk. 668, [2] p.
- Interview with Elena Katishonok: www.litres.ru/intervju/elena-katishonok/ (date accessed: 25.09.2020).
- Maya Kucherskaya's Interview with Elena Katishonok. 08.12.2010: books.vremya.ru/main/1657-intervyu-mayi-kucherskoj-s-elenoy-katishonok.html#.Uw84fc6AXaE (date accessed: 25.09.2020).
- Katishonok E.A. (2021) *Children's Album. Diary of the Late-born-children Mother, Irina Lakshina: A Novel*. Moscow. Vremya Publ. 288 p.
- Katishonok E. (2011) *Once upon a Time There Was an Old Man and an Old Woman*. Moscow. Vremya Publ. (Электронная версия.)
- Katishonok E.A. (2019) *When a Man Leaves: A Novel*. [5th ed., st.] Moscow. Vremya Publ. 93, [2] p.
- Kulgavchuk M.V. Revelation of the Truth. On the novel by Elena Katishonok “Once upon a Time There Was an Old Man and an Old Woman”. *Voprosy Literaturny*. 2012. No 3, pp. 120–130.
- Kulgavchuk M.V. Repetition of the Past. Elena Katishonok. *Voprosy Literaturny*. 2016. No 2, pp. 34–43.
- Leiderman N.L. Russian-language Literature is a Crossroads of Cultures. *Philologicheskyy Klass*. 2015. No 3(41), pp. 19–24.
- Lotman Yu.M. The Symbolics of St. Petersburg and the Questions of the Semiotics of the City. In: *Works about Sign Systems. Issue 18: Semiotics of the City and Urban Culture*. St. Petersburg; Tartu. Tarty State University Press. 1984, pp. 30–45.
- Sorokina V.V. On the Concept of “Russian-language” Literature. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2022. No 3, pp. 83–95.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria G. Moiseeva,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com